

Николай Успенский

Деревенская газета

Николай Васильевич Успенский

Деревенская газета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2149475

Н.В. Успенский. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«В один летний день на краю леса, пред которым расстилались луга с болотами, с сигарой во рту сидел помещик деревни Ивовки; подле него лежал молодой человек, недавно поступивший в дом к этому помещику учителем. Оба они ходили с ружьями и ничего не убили...»

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14
Комментарии	

Николай Васильевич Успенский Деревенская газета

I

В один летний день на краю леса, пред которым рассти-
лались луга с болотами, с сигарой во рту сидел помещик де-
ревни Ивовки; подле него лежал молодой человек, недавно
поступивший в дом к этому помещику учителем. Оба они
ходили с ружьями и ничего не убили.

– Я замечаю, Егор Кирилыч, – говорил помещик, – вы у
нас скучаете. Отчего это?

– Я всегда таков, Петр Иванович, – отвечал учитель. – Я,
собственно говоря, болен: у меня печень болит, – говорят, от
водки... Ну, я не могу!..

– Конечно... Только я вам хотел сказать, – не обижайтесь,
Егор Кирилыч, – вы, пожалуйста, ученику своему этак из-
лишних намеков насчет вашей страсти... Понимаете?

– Я с вами согласен, Петр Иванович... Разумеется, я не мо-
гу иногда за себя ручаться: я вам и прежде говорил, что я
должности гувернера не беру на себя... Но, насколько станет
моих сил, я буду укрощать свою привычку...

– Ну да, – сказал помещик. – Что касается до меня – мне все равно: трезвы ли вы, или нет, – и вы у нас не стесняйтесь, по-домашнему будьте. У вас есть своя комната: приехали вы выпивши – никто вас не видит... Жена моя пьяных не шибко боится. Я сам частенько приезжаю к ней подгулявши.

Из лесу явился молодой человек в белом пальто, с рулём в руках. Это был из той же деревни помещик Галкин, недавно вступивший в управление наследственным именем и живший в Ивовке с одной своей бабкой.

– Здравствуйте, господа, – заговорил он. – Ну что, ничего не застрелили? И ведь выбрали же мы время охотиться! Такая жара! Я шатался часа четыре и вот убил одну иволгу.

– Садитесь-ко, – сказал помещик.

– Нет, благодарю. А что, вы давно, Петр Иванович, были у Хоботовых?

– Давно уже.

– Я был у них вчера: скука смертельная! На днях я тоже ездил к помещику Кобелеву – что это за лежни! батюшки мои! Представьте, Кобелева я застал на балконе, – лежит в одной рубашке!.. Однако пойдёмте домой, что вы засиделись?

Помещик и учитель встали и пошли вместе с Галки-н ы м.

– Да-с, скука, скука... – говорил Галкин дорогой. – Я, в Москве живши, совсем забыл деревенскую жизнь: тошна иногда она бывает! А я вам не сказывал, господа? Я думаю здесь издать газету...

– Что такое?.. – воскликнули помещик и учитель.

– Да, газету... ну, деревенскую газету. Надеюсь, что вы, господин Маркин, не откажетесь быть сотрудником, – отнесся Галкин к учителю.

– С удовольствием. Это вы хорошо придумали.

– Я полагаю!.. Я попрошу писать всех помещиков, даже их жен... Ведь, господа, согласитесь, так жить в деревне, как мы живем, – ей-богу, мочи нет! Надо же чем-нибудь заняться... И как это мне пришло в голову! Ныне поутру лежу я и думаю: «Как досадно, что почитать нечего, этакое легонького – газетного», – ну, и напал на эту мысль. Да какие планы-то начертил!..

Помещик шел молча, повесив голову. Газета Галкина, по-видимому, несколько смутила его.

– Программа уже готова, – продолжал Галкин, – ну, а сотрудники найдутся. – Я вам, господа, скажу: газета может принести огромную пользу, если ее аккуратно повести. Само собою разумеется, не надо допускать ее до сплетней и тому подобного; вот вся и задача! Да, это предприятие, как хотите, так современно – и вдобавок крайне оригинально! Газета, конечно, будет *рукописная*... Переписчики у меня есть. Надо будет завестись еще таким человеком, который бы ездил по окрестностям и собирал новости... Но я имею в виду такого... Я пушу эту газету на возможно большее расстояние: брошу на постоянные дворы, на станции, предложу приказчикам... и все это будет бесплатно... Не правда ли, господин Чаркин, будет хорошо?..

– Превосходно, – сказал учитель.

– Не знаю, удастся ли, Федор Семеныч, ваше дело, – сказал помещик. – Я думаю, как всякое неожиданное явление, ваша газета многих поставит в тупик.

– Помилуйте, в чем вы тут сомневаетесь? Ради одной уже новости, что выходит деревенская газета, все примутся не только читать – писать!.. Ну, вы первый – разве откажетесь участвовать?..

– Пожалуй... Я хоть напишу о выжигании тока... Я хотел напечатать в «Московских ведомостях» о выжигании тока.

– Ну, вот видите! Вы – о выжигании тока, другой – об эманципации женщин, – и пойдет дело!.. Притом разве вы не знаете, сколько между нашими соседями найдется современных людей!.. Посмотрите, как многие из них рассуждают!.. Если газета пойдет успешно, мы выпросим позволение у губернатора и будем ее печатать... Непременно издам!.. Кстати, ныне вечер у Хоботовых: объявлю всем об этом! Я уже половину объявления намахал. Говорю там: «Милостивые государи! Россия на пути своем к просвещению так рванулась вперед, что недаром Гоголь воскликнул: „Куда ты мчишься?..“^[1]» – и так далее...

– Это вы недурно заметили!.. – проговорил помещик. – Начинайте! Главное, действуйте не спеша...

– Отчего же не спеша? Я ныне же всем объявляю, завтра рассылаю людей – кого с поручением собирать новости, кого с чем, и, не дальше как через неделю, все будет готово! – Гос-

подин Чаркин! вы съездите в село Быково, тут недалеко, – и попросите там регента, чтобы он написал статейку?

– Съезжу. Мне регент приятель.

– Он, как вам известно, запивает; но у него есть талант, я это знаю. А я завтра съезжу тут к офицерам; говорят, ротный хорошо сочиняет... Да еще у тыквинского помещика есть учитель Выюгин, – я и к нему съезжу.

Охотники расстались. Галкин еще раз решительно повторил, что он издает газету.

При закате солнца Галкин, одетый, сел в пролетку и уехал на вечер к Хоботовым. Почти в то же время отправился на беговых – дрожках к регенту учитель.

II

В сумерки Галкин приехал к высокому новому дому Хоботовых, перед окнами которого изнутри выглядывало множество медных и бронзовых амуров, собачек, рыцарей, охотников и проч.

В зале Галкина встретил с ежовыми волосами хозяин. Схватившись за руки, ходили по комнатам девочки в распущенных платьях. Хозяин подал гостю руку и лениво сказал:

– Ну, что же, того... как ее... ваша бабушка? – Она нездорова...

В гостиной на мягком диване, с томными глазами и полуоткрытым ртом, сидела хозяйка, имея на голове очень красивую куафюру¹. Ей было лет двадцать семь. С видимым желанием выразить всю нежность и грацию молодой женщины, она слегка привстала перед Галкиным, слегка поклонилась, но так, что ее глаза еще более сделались томными, – и вообще она как будто говорила: «Вглядитесь в меня, хоть, например, вы, господин Галкин, – я могла бы целое блаженство доставить человеку, достойному меня!...»

Впрочем, такая истома хозяйки замечалась преимущественно в начале представления гостей. Но после Катерина Ефимовна делалась просто милою хозяйкою, наблюдающею

¹ Прическу (от фр. *la coiffure*).

за вами, сколько вы съели чего и не дать ли вам еще чего-нибудь; как, проводив гостей, она делалась милою помещицею, которая в кругу горничных и лакеев поверяет в кухне и кладовой, сколько чего вышло на гостей и т. д.

В зале стояла толпа съехавшихся помещиков, окружив хозяина, который что-то рассказывал. Хозяин на время прервал свой рассказ и пошел к дверям встречать приехавшую соседку помещицу с четырьмя взрослыми дочерьми и сыном-гимназистом. Он, как-то пасмурно (у хозяина был от природы такой взгляд) глядя на гостью, прежде всего за необходимое счел ей сказать, что он весьма здоров, и посмотрел на нее уже не пасмурно, а сердито...

– А Катерина Ефимовна? – спросила помещица.

– Она там... в гостиной.

Хозяин был такой человек, про которого ходило в окрестностях много небылиц, как, например, будто он раз с особенным вниманием смотрел на себя в зеркало и нашел, что его лицо ужасно напоминает свинью, о чем сообщил жене...

В зале явились три офицера с саблями. Между тем комнаты осветились огнями.

После чаю гувернантка Хоботовых сыграла на фортепьяно серенаду Шуберта и произвела в гостях необыкновенное уныние, а больше всего в помещиках, которые встосковались до того, что обнаружили покушение ехать домой. Но Хоботов удержал их и дал слово попросить гувернантку сыграть что-нибудь повеселей, хотя помещики ровно ничего не хо-

тели слышать.

Галкин в это время сидел в гостиной и объявлял дамам о своей газете.

– Я вижу, – говорила хозяйка, – вы хотите нас описывать... Конечно, много найдете пищи для себя.

– Помилуйте! – отвечал Галкин, – я не литератор, я не имею сатирического ума... Но вы, Катерина Ефимовна, поймите: тут просто будет листок от скуки...

– Нет, – твердила непреклонная хозяйка, – вы хотите насмеяться над нами, я вижу... Да опять, что за деревенские такие газеты? что с вами? Вам, как помещику, право, стыдно этим заниматься...

– Да ведь, Катерина Ефимовна, эта газета несколько не будет похожа на все литературные газеты, какие вы знаете... Это будет листок собственно наш, с своим направлением, домашний и, без сомнения, удивительно оригинальный... Что литературные газеты!..

– Только я вам скажу, – говорила хозяйка, – вам меня описать не придется... Тут нужен талант да талант, потому что вы со мной не живете и, значит, вполне меня не знаете... Сверх того, я не хочу, чтобы вы меня описывали: для меня достаточно того, что я узнаю себя нередко в героинях Шекспира и других...

В зале играли вальс; шаркали танцующие. Галкин встал и попросил хозяйку; она, расправив платье, пустилась с ним...

– Нет, Катерина Ефимовна, – говорил Галкин, – вы жесто-

косерды... как вы не хотите покровительствовать моей газете!

– Что вам далась эта газета, господин Галкин? – отвечала хозяйка, поправляя куафюру и улыбаясь, – ну, издавайте, когда так... да что вы так вертите меня?.. Я не могу... В самом деле, издавайте... я шутила...

Катерина Ефимовна попросила Галкина остановиться и села на стул.

– Право, издавайте... – ласково повторила хозяйка и с одушевлением посмотрела на Галкина.

Офицеры танцевали с каким-то ожесточением: кто прихлопывал каблуками, припрыгивал вверх; кто припевал даже что-то... Один офицер, высокого роста, сделал несколько кругов на одной точке, посадил даму и гордо пошел прочь, неся на шпоре откуда-то выхваченный клочок кисеи...

Галкин подошел к двум гулявшим помещицам и обратился к одной из них, большой охотнице до русских песен, особенно до «Ночки темной, осенней» и «Я калину ломала».

– Василиса Антиповна! Вы не слыхали, – я намереваюсь издать деревенскую газету? Не угодно ли вам получить.

Помещица почему-то вдруг сконфузилась.

– Видите ли, это будет преинтересная вещь. Вы будете знать, во-первых, все, что ни случится в ваших окрестностях, во-вторых, тут будут подниматься разные вопросы...

– Извините, – промолвила Василиса Антиповна, – я не могу ничего сообразить... Я вам лучше после отвечу...

– Ну, а мне позвольте получать, господин Галкин, – подхватила другая помещица, – только чтобы не было сатирического в этом журнале... Вы козней не строите ли над нами?..

– Боже сохрани! Смею ли я подумать... Я, кажется, помещик...

– Что это издается? – спросил подошедший к Галкину офицер.

– Деревенская газета... Не угодно ли быть сотрудником?

– Извольте... Я вам пародию представлю на нашего ротного.

– Что это, может быть, ругательное?..

– Ругательное! Но мило!

– А как того... называется эта газета? – перебил хозяин, несший в боковую освещенную комнату колоду карт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Россия на пути своем к просвещению так рванулась вперед, что недаром Гоголь воскликнул: „Куда ты мчишься?..“» – пародийно-сатирически обыгрывая известную гоголевскую метафору о России как о «птице-тройке», Успенский присоединяется к оценке, которую Добролюбов в статье «Литературные мелочи прошлого года» дал казенному оптимизму предреформенной русской печати: «Уже несколько лет все наши газеты и журналы трубят, что мгновенно, как бы по мановению волшебства, Россия вскочила со сна и во всю мочь побежала по дороге прогресса...» (1859).